

3. Егоршин А.О., Аблязова Н.О., Гуськова И.В. Состояние и прогнозы высшего экономического образования в России // Вопросы образования. 2007. № 2.

4. Шафранов-Куцев Г.Ф. Образовательные ориентации населения в условиях рыночных реформ // Вестник Тюменского государственного университета. 1998. № 1. С. 175-189.

5. Шудегов В. Образовательное законодательство: состояние и проблемы // Альма-Матер. 2007. № 9.

6. Клеандров М.И. О проблемах юридического образования в условиях глобализации // Модернизация образования в условиях глобализации: Сб. м-лов междунар. науч. конф. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2005. С. 70-72.

Геннадий Семенович КОРЕПАНОВ —

*докторант Тюменского государственного университета,
кандидат социологических наук*

УДК 316.334.52

РЕГИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС И РЕГИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК БАЗОВЫЕ КАТЕГОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

АННОТАЦИЯ. В статье предпринята попытка выявить экономико-социологическое содержание понятий «региональный интерес» и «региональная идентичность», и определить их место и значение среди других близких категорий. Представлена новая трактовка интересов (интересов как таковых, так и региональных) и сопряженной с ними трактовке идентичности, рациональности, действия, ценностей (культуры), институтов, социальных норм, рассматриваемых на уровне акторов, локализуемых в региональном пространстве.

The object of this paper — to reveal economic-sociological concepts of regional interests and regional identity and to determine its place and contents comparatively to others neighbouring concepts in the frame of economic and regional sociology. The paper presents new understanding of those concepts which are attended by the concepts like identity, rationality, action, value, institution, social norm which are analyzed on the level of actors localized in regional space.

Согласно компетентному мнению одного из современных классиков экономической социологии Ричарда Сведберга, социологическое понятие «интерес» само по себе до сих пор полноценно не осмыслено, а четко выявленное и концептуально выдержанное содержание понятия «интерес» до сих пор ни релевантно, ни конвенционально не воспринято мировым социологическим сообществом. В своей работе с бросающим вызов названием: «Возможно ли социологическое понятие интереса?» Р. Сведберг отмечает, что экономико-социологическое понятие интереса в основном ассоциируется с экономическими науками, а не с социологией [1]. Более того, в экономической социологии в полном объеме не рассматривалось и содержание понятия «региональный интерес». Рассмотрим, как разрешается проблема исследования интересов (как интересов отдельных индивидов, так и интересов определенных групп — общностей) в локализованном пространстве, что должно быть полезным с точки зрения теории для нового научного направления — экономической региональной социологии. В связи с такой постановкой важно изучить, как развивалось и с чем связано понимание таких научных категорий, как «региональный интерес» и сопряженной с ним категории «региональная идентичность».

В современной науке разработка категории «*собственно региональный (локальный) интерес*» далеко продвинулась не в региональной социологии, а скорее в политической регионалистике. В одной из версий неоэлитистских трактовок *интерес* в этой науке рассматривается как такая конституирующая сила, которая представляет собой политическое действие с целью его локальной конкретной реализации. Введение в научный оборот категории «интерес» позволило исследовать в политической регионалистике реальный баланс сил на данной территории, которые с учетом роли идей, идеологий и других важных составляющих региональной власти становятся политически релевантными в качестве «воспринимаемых интересов» местными акторами и другими региональными субъектами. Концепция «воспринимаемых интересов» в итоге позволяет провести операционализацию категории «баланса политических отношений» между центром и регионами, что в свою очередь имеет большое значение для реальной практики регионального воспроизводства. Центральный регион часто ассоциируется и соотносится со столичным регионом, присваивающим функции обладания политической властью и вытекающей отсюда возможностью принудительного влияния на периферийные регионы и присвоения наиболее ценных ресурсов [2].

В современной научной литературе принято считать, что определение собственно регионального (локального) интереса — это сложная методологическая проблема. Дело в том, что этот интерес могут подменять «нерегionalные» по происхождению, но полноценно и активно представленные на территории интересы социального, этнического или какого-либо другого характера. Важно выделить и виды интересов: региональный политический, региональный экономический, региональный социальный интерес. К примеру, региональный политический интерес в «чистом виде» может представлять собой некий синтез разнообразных интересов местного сообщества (социально-экономических, этнических, культурных, идентификационных и многих других), воспроизводящийся под воздействием местных, уникальных условий. Конкретные составляющие регионального интереса в то же время имеют как идеальный (защита местных культурных особенностей), так и материальный (экономические требования) характер. Одной из составляющих может быть также борьба за политический статус территории как условие реализации духовных, материальных, символических, социальных, культурных и других потребностей местных сообществ. Наконец, очень важной особенностью регионального интереса является его уникальность — несводимость к простой сумме тех или иных интересов «нерегionalного происхождения» [3].

Важно подчеркнуть, что проблема интереса «как такового» была одной из главных теоретических тем в политической экономии социализма. Доминирующая позиция ключевых авторов в этой области состояла в том, что интересы в теоретическом плане рассматривались как нечто объективное, а именно как то, что объективно задано, — например, классовые интересы. Классы эксплуататоров и классы эксплуатируемых, согласно К. Марксу, последовательно стремились к реализации своих интересов, в первую очередь интересов материальных. В политической экономии считалось, что человек принадлежит к определенному классу независимо от его воли и сознания. Эта идея являлась следствием фигур экономических субъектов для К. Маркса, которые являлись «олицетворением экономических категорий, носителями определенных классовых отношений и интересов» [4].

Социологическое понятие интереса в российской науке впервые было разработано и затем заново переосмыслено А.Г. Здравомысловым [5]. Его работы были направлены против точки зрения политической экономии о том, что человек принадлежит к определенному классу независимо от его воли и сознания. А.Г. Здравомыслов впервые обратил внимание на то, что именно таким образом категория

интерес поднималась уже в ранних работах К. Маркса. Категория интереса — одна из основных социологических категорий, с помощью которой раскрывается связь между объективными закономерностями и действиями людей. Именно интересы определяют направление деятельности субъекта, формируют мотивы его поступков и социального поведения. По этому поводу А.Г. Здравомыслов отмечал, что в истории социальной мысли категория интереса выработана для обозначения реальных причин общественных и индивидуальных действий.

Если обратиться к истории возникновения научной проблемы интереса, то нужно обратить внимание на то, что впервые концепцию интереса начали разрабатывать экономисты в XVIII веке. Одну из первых попыток превратить *понятие интереса* в *экономико-социологическую категорию* предпринял меркантилист Дж. Стюарт. Он утверждал, что принцип собственного интереса будет ведущим принципом, «...это единственный мотив, которым государственный деятель должен пользоваться, чтобы привлечь свободных людей к планам, которые он разрабатывает для своего правительства... Общественный интерес (*public spirit*) настолько же излишен для управляемых, насколько он обязан быть всемогущим для управляющего» [6].

Итак, уже меркантилисты стали использовать рабочую модель человеческой мотивации, характерную позже для концепции Адама Смита. Его человек в «Богатстве народов» — это автономный индивид, движимый лишь двумя «природными мотивами»: *своекорыстным интересом* и склонностью к обмену. Вот одно из самых известных высказываний А. Смита по поводу *интереса*: «Человек постоянно нуждается в помощи своих ближних, и тщетно будет он ожидать ее лишь от их расположения. Он скорее достигнет своей цели, если обратится к их эгоизму и сумеет показать им, что в их собственных интересах сделать для него то, что он требует от них...» [7]. Однако, как известно, научные выводы в области государственной политики на основе концепции интересов у меркантилистов были противоположны выводам Адама Смита: человек несовершенен (эгоистичен), именно поэтому им надо управлять, направляя его *частные интересы* к *общему благу*.

К выводу о том, что *частные интересы* надо направлять к *общему благу*, пришел английский философ Томас Гоббс — основоположник социологической теории социального порядка. В своей знаменитой книге «Левиафан» (1651) Т. Гоббс назвал *собственный интерес людей* «самой могущественной и самой разрушительной человеческой страстью» [8].

Нобелевский лауреат в области экономики Дж. Стиглер назвал теоретическую систему, начало которой положил Адам Смит, «*величественным дворцом, построенным на граните собственного интереса*» [9]. Но Адам Смит, в отличие от Томаса Гоббса и меркантилистов, не противопоставил *частный интерес* *общему благу* — «богатству народов». Итак, в XVIII-XIX вв. *идея человека, как руководимого собственным интересом*, обрела особую актуальность в политической экономии.

Понятие *интереса* как *социологической категории* ввел на рубеже XIX-XX вв. австрийский социолог Г. Ратценхофер. Его идеи позже хорошо прижились на американской почве, где два крупных представителя ранней американской социологии — А. Смолл и Э. Росс — сочли *понятие интереса* не только заслуживающим того, чтоб быть включенным в *социологический анализ*, но и того, чтобы стать в нем *центральным*. У Г. Ратценхофера понятие *интереса* является основным фактором, формирующим *социальное поведение*, *главной социологической категорией*. *Интерес* — это основной принцип, управляющий социальными процессами. Человеческое поведение в целом также управляется именно интересом. Интересы, по Г. Ратценхоферу, — это осознание прирожденных биологических потребностей, которые обуславливают выживание и борьбу за существование [10].

Г. Ратценхофера критиковали за излишний биологизм и психологизм его теории, что было небезосновательным: он действительно не считал, что социальная реальность имеет особый статус, а понятие интереса полагал единым как для биологической, так и для психологической и социальной жизни. Но в любом случае его концепция заложила *начала социологического рассмотрения интереса*, вместе с популярной и поныне стратегией социологического анализа, где *интерес предстает силой, формирующей социальные взаимоотношения*.

Идеи Г. Ратценхофера развивал известный американский социолог А. Смолл. *Интерес*, по Смоллу, — это основная единица *социологического анализа*, поскольку понятие интереса в социологии призвано сыграть ту же роль, какую в физике сыграло понятие атома; и хотя никто никогда не видел интерес как таковой, он так же, как и атом, является основополагающей абстракцией. Интерес есть «неудовлетворенная способность, соответствующая нереализованному условию и направлению на такое действие, которое реализует указанное условие» [11]. По классификации Смолла, существует всего шесть видов интересов: физическое и социальное благополучие, общение, познавательный, эстетический и правовой интересы. Каждый из этих видов интересов может быть подвергнут дальнейшей дифференциации. Каждое человеческое действие обусловлено комбинацией различных типов интересов. Причем общественные институты «маршрутизируют» действия индивидов, блокируя их отдельные интересы.

Интерес, по А. Смоллу, имеет два аспекта: *субъективный* — желание; и *объективный* — «желаемая вещь», или то, в чем испытывается потребность. Согласно мнению А.И. Кравченко, *изучение интересов у А. Смолла* выступает ни чем иным, как *предметом социологии*. А изменение интересов, их перегруппировка ведут к соответствующему изменению социальной структуры. *Конфликты* интересов и их усвоение (аккомодация) составляют содержание того, что называется *динамикой социальной системы* [12]. Таким образом, понимание содержания интересов дает методологический ключ к пониманию социальной структуры общности и ее возможной динамике.

Важно подчеркнуть, что А. Смолл также поставил ключевой вопрос о том, как *интересы* соотносятся с *социальной структурой*, справедливо считая, что социальная структура может воздействовать на интерес в двух разных направлениях: или как *преграда* для реализации интереса, или как *канал*, задающий границы этой реализации.

В теоретическом плане глубоким пониманием *содержания интереса* отличалась концепция Ф. Тенниса. Причем его концепция *интереса* впервые стыкуется с концепцией *идентичности*, что очень важно подчеркнуть, так как это в определенной мере формирует методологические позиции автора этой статьи. Согласно исходным установкам Ф. Тенниса, любые социальные образования создаются *взаимодействием* людей. Во взаимодействии люди движимы *волей и интересами*. При этом, если, по Ф. Теннису, *предмет «чистой социологии»* есть то, что образуется за счет *взаимного утверждения*, то *предмет «общей социологии»* есть то, что образуется за счет *взаимного негативного действия* людей, или *конфликта*. В результате взаимодействия людей возникает нечто такое, что обладает *значимостью* для участвующих в нем сторон. Люди действуют *сообразно этой значимости* — как раз тому, что именно и представляет собой *личный интерес* индивида. В итоге *интерес* индивида лежит у Ф. Тенниса в основе как его «чистой», так и «общей» *социологии*. Далее, рассматривая *интерес* как исходный элемент социологии, Ф. Теннис обратился к терминам «*Gemeinschaft*» — *общество* и «*Gesellschaft*» — *общность*, подразумевая в *данном случае два типа интересов и два типа социального поведения*. «Об-

разованная позитивным отношением группа, воспринимаемая как существо или вещь, действия которых едины в своей внутренней и внешней направленности, называется *связью*. Само это отношение, и тем самым связь, понимается либо как реальная и органическая жизнь — в этом состоит *суть общности*, либо как идеальное и механическое образование — таково понятие *сообщества*. Для *связи* важна не только пространственная близость кровных родственников, но также и ее продолжительность, устойчивость, теснота, плотность как в пространстве, так и во времени. Точные локализации — «дом», «деревня», «город» — важны, но менее, чем действие воли — воление *сообщества*. Связь, естественным образом *имеющая место* в ограниченном пространстве, продолжается в силу душевной настроенности даже при взаимном удалении; в конечном счете «духовная дружба» образует своеобразный род «незримой местности» [13].

Таким образом, уже в социологии XIX в. было развито представление о территориальном сообществе. Это представление было поддержано классиком социологии Т. Парсонсом и далее нашло свое отражение в компаративных межстрановых исследованиях (Г. Алмонд, С. Липсет и др.).

Эта тенденция в социологии рассматривает сообщество как определенный стиль жизни, с которым связаны партикуляризм в отношении к обществу в целом и «несовременный» коллективизм. Этот коллективизм отменяет и подавляет общество, которое понимается как единая социальная система со своими структурами и функциями, индивидуализмом отдельных членов общества и универсализмом системы в целом. Именно в этом пункте концепция регионального интереса «стыкуется» с концепцией региональной идентичности. Региональная идентичность — это переживаемые и осознаваемые смыслы той или иной системы локальной общности, формирующие «практическое чувство» (сознание) территориальной принадлежности индивида. Вопрос региональной идентичности для него является по сути смысложизненным. Так, для русского населения *региональная идентификация* определялась, как правило, не столько национальной (русский), сколько территориальной принадлежностью, придающей в собственных глазах и глазах окружающих специфические социально, психологически и культурно значимые признаки.

Об этом писал П. Сорокин, согласно которому «из всех связей, которые соединяют людей между собой, *связи по местности* являются самыми сильными... Сходство в образе жизни, семейные связи, товарищеские отношения, созданные еще с детства, придают им общий характер, создающий живую связь... В итоге образуется группа, отмеченная колоритом данного места. Таковы в России типы «ярославца», «помора», «сибиряка» и т.п.» [14].

В объективном плане региональная идентичность выступает как процесс интерпретации региональной уникальности (своеобразия), через который *целый регион* становится институционализированным в определенном виде сообщества. Акцент делается на объединении людей по региональному признаку для выражения своих региональных (локальных) интересов в тех или иных сообществах, причем вне прямой связи с территориальным делением. Возникает *сообщественный эффект*, что в свою очередь означает, что сообщество существует, обретает политическую субъектность, происходит его активизация и актуализация в политическом и социально-экономическом пространстве. Индикатором существования такого сообщества является наличие региональной идентичности, или, в терминах Дж. Эгню, — «чувства места» [15].

Бывает, что на основе региональной идентичности развивается местный национализм, свидетельствующий о высокой степени развития политических интересов данного сообщества. Но бывает, что развиваются позитивные символические черты

местного сообщества, в которых воплощаются социальный и символический капиталы, позиционирующие локальные интересы и региональные практики местных элит. Региональное пространство становится местом, которое наполняется символическим содержанием и символическим капиталом, воплощающихся в системах эффективных символов и эффективных стимулов в дальнейшем развитии территории. Понимание *интереса* как категории, обозначающей переход объективности в субъективность, и наоборот — субъективного в объективное, — это *важный методологический момент* также и для определения содержания категории экономико-социологического *регионального интереса*, причем такой интерес может рассматриваться именно «с точки зрения переходного элемента в сознании людей — к действию, к мотивации», поэтому региональная идентичность есть идеальная представленность социального отождествления: «Я — член территориальной общности» [16].

Использование данного подхода позволяет рассматривать территорию не только как сообщество, но и как *элиты*, которые часто выступают от имени сообществ, представляя в той или иной степени их интересы. Региональный (локальный) политический интерес может представлять собой синтез разнообразных интересов местного сообщества. Этот интерес основан на развитой *региональной идентичности*, не имеющей этнического и даже субэтнического характера и связанной только с чувством места. Конкретные составляющие регионального интереса имеют как идеальный (защита местных культурных особенностей), так и материальный (экономические требования) характер. Одной из составляющих может быть борьба за политический статус территории как условие реализации духовных или материальных потребностей региональной элиты.

Особенности тюменской региональной идентичности заключаются в том, что, во-первых, социологические опросы показали исключительную сложность, многоуровневость, многозначность идентификации себя частью населения в разном качестве: так, согласно одной точке зрения, Тюменский регион (а значит, и житель, который идентифицирует себя с ним) — это нефтяная и газовая столица Российской державы, согласно другой — колония, эксплуатируемая центром. Однако жизнь людей, населяющих «землю тюменскую», их «коллективное региональное Я» намного шире и глубже этой ресурсной парадигмы. По выражению губернатора Тюменской области В. Якушева, для России Тюмень — это столица нефтегазового региона, ее нефтяной символ, мировой брэнд. В настоящее время реализуется программа «Сотрудничество», работающая в трех субъектах федерации Тюменской области. Подобных проектов экономико-социальной интеграции в сложносоставных российских регионах до сих пор не было. И хотя взаимоотношения северных округов и юга Тюменской области остаются непростыми, чреватые противостоянием по различным региональным интересам, тем не менее взаимно выгодный консенсус существует. Губернатор Тюменской области В. Якушев пишет: «*Интересы* — двусторонние, сегодня никто не претендует на главенство. Есть понимание, что мы друг другу необходимы. Надо просто нормально двигаться, нормально сотрудничать. А кто старше, кто главнее — надо выносить за скобки» [17].

Концепция регионального интереса и региональной идентичности как теоретическая схема, включающая базовые категории экономической социологии регионального развития, автором статьи операционализируется и верифицируется в конкретном эмпирическом исследовании в 2006 г.: масштабный опрос в трех субъектах Тюменского региона (ошибка выборки по одному признаку [по формулам Паниотто] $\Delta = 1,6\%$): юг Тюменской области, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа; опрошено 4016 человек, 90 экспертов. Полученные данные социологических и экспертных опросов свидетельствуют о достаточной привлекательности региона и практически полной реализации *ин-*

интересов в регионе для жизни, труда и отдыха всего населения Тюменской области, а также отражают особые формы *региональной идентификации* как местного населения, так и региональных элит.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Swedberg, R. Can there be a sociological concept of interest? (Возможно ли социологическое понятие интереса?) // *Theory a. society*. Dordrecht (Amsterdam), 2005. Vol. 34, № 4. P. 359-360.
2. Рязанцев И.П. Социально-экономические отношения «регион-центр»: теория, методология, анализ. М.: Изд-во МГУ, 1998; Рязанцев И.П., Завалишин А.Ю. Территориальное поведение россиян (историко-социологический анализ). М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2006.
3. Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблемы политических отношений: Монография. М.: ИД ГУ ВШЭ, 2006. С. 18.
4. Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 23. С. 10.
5. Здравомыслов А.Г. Проблема интереса в социологической теории. Л., 1964; Здравомыслов А.Г. Потребности, интересы, ценности. М., 1986.
6. Цит. по: Mitchell, W. C. *Lecture Notes an Types of Economic Theory*. Vol. 1. New York, 1949. P.1.
7. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Т. 1. М.: Соцэкгиз, 1935. С. 17.
8. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского // Соч. в 2-х т.т. М., 1991. Т. 2. С.121.
9. Stigler G. J. *Smith's Travels on the Ship of State* // *Hist. Polit. Econ*. 1971. Vol. 3. P. 265.
10. Ratzenhofer, G. *Soziologische Erkenntniss*. Leipzig, 1898. P. 244-250.
11. Small, A. *General sociology*. Chicago; L., 1905. P. 426.
12. См.: Кравченко А.И. А. Смолл и социология интересов / История теоретической социологии. В 4-х т. Т. 1 / Отв. ред. и сост. Ю. Н. Давыдов. М.: Канон, 1997. С. 373.
13. Теннис Ф. *Общность и общество. Основные понятия чистой социологии*: Перевод с немецкого. СПб: «Владимир Даль». 2002. С. 10; 24-28.
14. Сорокин П. Система социологии. В 2-х тт. Т.2. М., 1993. С. 210, 213.
15. Agnew J. *Place and Politics. The Geographical Mediation of State and Society*. Boston, 1987. P. 27.
16. Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // *Социологические исследования*. 1998. № 4. С. 94.
17. Якушев В. *Сердце Тюмени* // Тюмень: старт века. Тюмень: Тюменский дом печати, 2006. С. 365; 366.

Геннадий Александрович ЩЕРБАКОВ —
зав. кафедрой государственного и муниципального
управления Тюменского государственного
архитектурно-строительного университета,
кандидат социологических наук, доцент

УДК 316.334.3(470.5)

РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ И РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОЦЕНКАМ ЖИТЕЛЕЙ УрФО

АННОТАЦИЯ. В статье проанализированы результаты социологического исследования, проведенного среди жителей Тюменской, Свердловской, Челябинской и Курганской областей. Показаны специфика содержания региональных проблем и реализации социальной политики в Уральском федеральном округе.